

Ален Блюм

СТАТИСТИКИ И СТАЛИНИЗМ*

Автор рассматривает отношение науки и политики в сталинский период на примере работников статистических ведомств. Исследуется, каким образом социальное происхождение, прошлое, карьера и политические взгляды специалистов по статистике влияли на их профессиональную позицию. Кроме того, автор анализирует влияние новой политической среды, сложившейся после Октябрьской революции и, в частности, сталинизма, на объективность проводимых в СССР статистических исследований и их результатов.

In his article the author analyses how the Revolution of 1917 and the two decades of political transformations that followed affected the Soviet statistics. The author proves that social position of statisticians, their previous professional career and political perceptions largely influence the results of their statistical research. The analysis also shows the impact of a new post-revolutionary political environment and Stalinism on statisticians' objectivity.

Влияние решений сталинского правительства на жизнь мужчин и женщин, которые погибли или выжили в период с 1920-х по 1950-е гг., известно благодаря личным дневникам, автобиографиям, биографиям руководителей центральных и местных органов власти, писателей, политических деятелей, а также обычных людей [2, р. 69–93; 3; 4]. В этих произведениях описываются драматические жизненные события, но иногда странным образом умалчивается обо всем, что связано с политическими событиями. Отрывки из жизни этих людей позволяют увидеть, как каждый из них пережил такие резкие общественные изменения [5], какими были коллективизация, раскулачивание или первые процессы 1936–1937 гг. В этих рассказах отдельный человек редко представлен как самостоятельное действующее лицо, а чаще как индивид, непосредственно испытывающий на себе влияние сталинских решений, которые уравнивают судьбы людей в разных уголках огромной страны.

Удивительно, насколько часто в документах описывается политическое насилие по отношению к деревенским жителям, а также насколько быстро спускаются на места решения,

---

* В данной статье предлагается краткое изложение выводов, представленных в соавторстве с Мартин Мепуле в работе «Бюрократическая анархия. Статистика и власть при Сталине» [1]. Изложенные в статье выводы совпадают с выводами книги. Я благодарю Мартин Мепуле за разрешение использовать материалы из книги, однако же, разумеется, ответственность за данный материал лежит полностью на мне.

принятые в центре*. Частично это стало результатом проводимой в первые два послереволюционных десятилетия унификации форм административного управления. Все российские источники сходятся в том, что унификация дала реальные результаты.

История советской статистики иллюстрирует общественные изменения и подчинение ходу истории, лишь свидетелями которой, как кажется, выступали жители страны и управляющие ими. Статистика представляет особый интерес, поскольку она говорит об отношении к науке любого правительства, которое утверждает свою легитимность именем науки. В конце XIX и в первой половине XX в. статистика является государственной наукой. В этой связи создание в России статистического управления сразу же после революции вписывается в свойственную большевистской мысли логику, тяготеющую к наукообразности. Кроме того, будущее тех, кто участвует в сборе статистических данных, сильно подвержено влиянию политических изменений в стране. В период с 1917 г. по 1939 г. сменилось восемь руководителей статистического ведомства, пять из них расстреляны в 1937 и 1938 гг. Первый руководитель оставался на своем посту с 1918 по 1926 г., последний, назначенный в 1939 г., но бывший членом статистического управления с 1924 г., оставался на этой должности вплоть до 1975 г.! Зато в период между 1926 и 1939 гг. сменилось шесть руководителей. Первые работники статистического ведомства были представителями элиты бывшей Российской империи. Те, кто сменил их, получили уже советское образование, и часто их карьера была тесно связана с местом в партии. Они становятся жертвами чисток. Некоторым удается избежать подобной участи, но они оказываются отстраненными от должности, если статистические данные не совпадают с заявлениями И.В. Сталина. Они никак не могут повлиять на события, поскольку те происходят вне рамок их деятельности. Судьбы вершатся другими людьми, принадлежащими к узкому политическому кругу. С середины 1920-х гг. результаты статистических исследований указывают на катастрофические последствия коллективизации и поворота в сталинской политике 1928–1931 г., вследствие чего авторов подобных статистических работ либо высылают, либо расстреливают.

Однако подобное представление работников статистики как пассивных участников событий не позволяет понять природу и развитие сталинского государства. Восстановить биографии тех, кто, будучи членами управленческого звена, постепенно формирует скелет советского государства или, по меньшей мере, тех, кто вырабатывает решения в центре и обеспечивает выполнение этих решений центральной власти на местах, не сводится к описанию насилия, которое коснулось каждого жителя Советского Союза. Также нельзя просто разделить людей на тех, кто страдал, и тех, кто причинял страдания. Главное понять, что за крепким фасадом, построенным из решений центра, за внешне скоординированным и монолитным государством стоят люди, которые воспринимают происходящие события и принятые решения, исходя из собственной биографии, образования и карьеры. То, каким образом элита старого режима участвовала в становлении, укреплении, а затем и триумфе сталинизма, объясняется как различием судеб, их пересечением, так и относительно независимыми историческими обстоятельствами.

Новая администрация и бюрократия, которая оказывается у власти в течение 1930-х гг., заменяет — частично силовыми методами, частично благодаря смене поколений — элиту, пришедшую к власти после революции. Новая элита отличается от предыдущей особенно в том, что касается судеб работников статистики. Занимаемые посты или социальное положение не дают понимания управленческой практики и исполнения центральных директив. Понимание того, как складываются эти практики, может дать изучение политических, профессиональных и научных карьер. Эти факторы также объясняют

---

* Об этом свидетельствуют многочисленные работы о советских деревнях в период между двумя мировыми войнами, опубликованные в России под коллективной редакцией, в том числе В. Данилова.

преемственность между старым и новым режимом, изменения и глубокие разрывы между тем, что было до и после революции, а также переход от первых лет большевистского правления к триумфу сталинизма. Они помогают понять, почему одинаковым ситуациям могут соответствовать различные практики, при этом важно отношение к будущему, зависящее от прошлого опыта работников статистики.

Как это ни парадоксально, сравнение с другими европейскими странами показывает, что в Советском Союзе скорее судьбы, чем занимаемые позиции, объясняют действия акторов. Парадоксально, потому что в советском государстве происхождение и занимаемая позиция играли важную роль. В частности, в обвинительных заключениях часто упоминается сомнительное происхождение, такие обвинения направлены против социально чуждых элементов. Так, когда в 1924 г. и 1934 г. подразделение, осуществляющее контроль различных ведомств, проводит проверку сотрудников статистического управления, то проверяющие особо обращают внимание на детей священников, дворян или белогвардейцев, подчеркивая, что они представляют опасность. С 1920 по 1937 гг. часто можно было прочитать обвинительные доклады, в которых упоминались «родственники бывших губернаторов, крупных промышленников, бывших крупных землевладельцев, белых офицеров или те, кто находился во время гражданской войны в зонах, контролируемых Белой армией»*.

Но такой подход, хотя и имеет место, не отражает всю правду о чистках и не позволяет понять те процессы, в результате которых кто-то оказывается арестованным и приговоренным, а кто-то избегает этой участи. Между риторикой и практикой репрессий существует очевидное расхождение, хотя они и связаны между собой. Начиная с 1930-х гг. допросы арестованных концентрируются на прошлом обвиняемого, предыдущих местах его работы, профессиональных и личных связях допрашиваемого. Разрыв заметен между сложными чувствами социальной принадлежности и часто упрощенным причислением людей к той или иной социальной группе.

Прошлое: инерция оценок

Основным объяснением изменений, происходивших между 1917 и 1929 гг., является рост глубокого взаимного непонимания [1, р. 88–91] между управленцами и ответственными лицами центрального аппарата в течение первого послереволюционного десятилетия. Большевики, которые издавали приказы и строили новый политический и социальный порядок, имели обо всем этом представление, совершенно отличное от представления управленцев, также участвовавших в формировании нового государства. Это непонимание объясняется различиями в интерпретации событий и политического выбора, лежащих в основе изменений, начатых революцией.

Кроме того, непонимание обусловлено различиями в образовании, социальном и профессиональном положении, месте проживания управленцев, которые по призыву большевистских руководителей сформировали костяк правительства. Управление требует некоего набора знаний и умений, в частности, научных и технических, а, следовательно, речь идет о специалистах, которые, чаще всего, происходили не из рабочих семей, а принадлежали к дореволюционным элитам и могли как принимать, так и не принимать участие в революции. Со своей стороны большевики возносили на пьедестал науку и технику и были вынуждены принять этих социально ненадежных людей, практически врагов.

Костяк статистического ведомства в 1917 г. составляли ученые, которые знали друг друга еще до революции и представляли собой достаточно однородный круг, по меньшей мере в

---

* Отчет партийной ячейки, направленный в Политбюро, товарищу Сталину, от ответственных работников партии ЦСУ. ГАРФ, 374/28/603/95-97. Полную цитату можно найти в [1, р. 75].

том, что касалось социального происхождения и политических взглядов. Хотя и не все из них придерживались одной и той же системы взглядов, они верили в значимость науки для управления современным государством, основанным на истине, которую открывает наука. Их судьбы часто складывались непросто, поскольку, будучи носителями научного знания, они тем самым как бы оспаривали самодержавный царский режим. Некоторые из них были отправлены в ссылку и стали активными участниками жизни этих регионов, участвуя в работе статистических бюро земств, институтов местного управления, созданных в 1864 г. Для них самодержавие из-за его слепоты представляло собой препятствие на пути создания современного правительства, освященного наукой.

В революции эти люди увидели способ избавиться от системы правления, которую они считали архаической. Сами же они, благодаря своим знаниям, стали помогать в принятии решений будущему правительству. Поэтому они почти не заметили разрыва в ожиданиях по отношению к Временному правительству и к правительству большевиков. Они увидели здесь возможность реализовать на практике предложения, которые обсуждали на своих конгрессах еще до революции, или продолжить то, что они начали осуществлять в своих земствах: создание научной структуры, отслеживающей процессы в обществе и направляющей политический курс, но при этом сохраняющей полную независимость от политической власти. Находясь в ссылках или участвуя в статистических конгрессах, специалисты по статистике пришли к концепции, согласно которой политика и научное знание полностью разделены. Научное знание, по их убеждениям, должно было направлять политику. Биографии первых большевистских лидеров и специалистов по статистике весьма схожи. Так, первый директор центрального управления статистики Павел Ильич Попов, которому в 1918 г. было 46 лет, провел многие годы в ссылках. Он переезжал из Тулы в Самару, затем в Смоленск, Вологду, город Верный (сегодня — Алма-Аты), переходил из одних статистических бюро в другие. Там он пересекался с будущими большевистскими руководителями, в частности, с В.И. Лениным, а также с будущими народными комиссарами. Таким образом складывалась смешанная среда, которая превратила статистику в сочетание протеста против самодержавия и нового типа современного и прогрессивного правительства.

Однако образование и жизненный путь специалистов по статистике привели не к формированию у них ригидного мышления, а к восприятию научного прогресса через призму споров. Так, например, они признавали, что используемые ими категории не являются нейтральными, и устраивали яростную полемику по поводу этих понятий. В начале 1920-х гг. широко обсуждался вопрос конструирования социальных категорий, в частности, относительно различных интерпретаций социальной стратификации в деревнях. Данный вопрос имел большое значение, поскольку от этого зависела политика большевиков по отношению к деревням и их конкретные действия. Дискуссии становились все более оживленными, они усиливались или даже инициировались борьбой между политическими руководителями, которая началась в 1924 г. В частности, эти споры использовались И.В. Сталиным для того, чтобы отодвинуть на задний план своих оппонентов. Но, несмотря на упомянутые обстоятельства, все же имели место настоящие научные дискуссии, традиция которых восходит к дореволюционным временам. Наиболее ярко разногласия проявлялись в дебатах по поводу определения «кулака», основной составляющей стратификации в деревнях: речь шла о том, чтобы определить, кого в статистических исследованиях можно отнести к богатым крестьянам или, следуя марксистской логике, к эксплуататорам капиталистического типа. Помимо собственной воли работники статистики, агрономы и экономисты предоставили Сталину оружие, которое позволило ему вступить в борьбу со своими политическими оппонентами в 1928 г. и начать в конце 1929 г. первую кампанию по массовой депортации крестьян, отнесенных к кулакам.

Подобная же ситуация сложилась во время переписи населения 1926 г., когда специалисты по статистике вели дебаты по поводу этнических и национальных категорий*. Изначально вопрос, обсуждавшийся этнографами еще во времена Российской империи, касался этнического состава населения Советского Союза. Дискуссии двадцатых годов продолжили начатые еще в XIX и начале XX в. дискуссии между этнологами, лингвистами, работниками статистики и местными властями. Господствующие представления были отмечены колониализмом, о чем свидетельствует разделение на колонизируемых и колонизаторов, русских и местное население Центральной Азии и Сибири. В то время ничто не предвещало, что несколькими годами позже — начиная с 1934 г. и особенно в 1936 г. — эти категории будут возведены в ранг национальностей и составят фундамент классификации, на основании которой будут депортированы целые народы. Непонимание и разногласия достигли своего апогея, когда работники статистики потребовали от НКВД, чтобы национальность упоминались в бюллетенях актов гражданского состояния. НКВД молчаливо выполнил эту просьбу, а несколько лет спустя это ведомство начало депортацию и репрессии, опираясь только на этот критерий.

Тем не менее, несмотря на все дебаты и дискуссии, специалисты по статистике не ставят под сомнение представление о статистике как отражении реальности. Внутренняя полемика продолжала дискуссии, начатые еще до революции, хотя преследования работников статистики и использование статистики в политических целях задали этим дебатам другое направление. Когда в июне 1925 г. А.И. Рыков собрал работников Статистического управления и Госплана на собрании наркомов, доводы, которые они выдвинули после длительной полемики, представляли собой синтез полученных ранее знаний и опыта, приобретенного на работе в том или ином учреждении. Так, непоколебимым основанием своей профессии П.И. Попов считал научный характер статистики, а один из его помощников, В.Г. Михайловский, показывал, как использование статистики должно направлять деятельность учреждений.

Разные политические биографии участников этих дебатов (в частности, В.Г. Громана, близкого к меньшевикам, и П.И. Попова, более близкого к большевикам) привели к тому, что ими были сформированы противостоящие системы знаний и институты, которые боролись за раздел полномочий. Но все они верили в статистику как в политическое искусство современного государства, о формировании которого говорится в некоторых разделах большевистской идеологии. Наука для них составляла всеми признанную основу современного государства, и все они защищали автономию этой науки по отношению к политике. Вплоть до 1926 и даже 1929 г. они часто повторяли, что предоставляемые ими цифры не могут лгать, потому что они — плоды науки, которую можно приравнять к медицине или физике. Так, В.Г. Михайловский считал, что «хотя статистика и не может предоставить абсолютно точные цифры, они всегда в той или иной мере приближаются к истине» [1, р. 85]. Специалисты по статистике даже требуют для себя место выше политики, они хотят быть скорее советниками, чем служителями.

По их мнению, волюнтаристский и жестокий характер революции не должен был проявляться в дальнейшем. И если некоторые надеялись, что в скором времени благодаря планированию будут поставлены конкретные цели для достижения, то другие считали, что планирование всего лишь позволит выработать ориентиры. Но ни первые, ни вторые не хотели, чтобы эти цели, выведенные из их претендующих на соответствие реальности исследований и подсчетов, достигались при помощи насилия.

---

* Наряду с книгой автора данной статьи, к этой теме обращаются авторы многих других работ, см., например: [6; 7, р. 127–149].

В исследовании, посвященном районам проживания казаков в период 1914–1921 г., Питер Холквист показал, насколько глубоко культура послереволюционного насилия укоренена в военной культуре, возникшей в ходе Первой мировой войны. Но в то время как другие страны пытались избавиться от этой культуры и ее трагических последствий, большевики продолжали использовать ее в своих целях [8]. Однако преемственность, о которой говорит П. Холквист, относилась лишь к большевикам, находившимся у руля правления СССР, и в гораздо меньшей степени касалась управленцев, которые шли скорее по пути западноевропейских стран. Причины определенного поведения представителей властных структур после гражданской войны берут свое начало в другом периоде времени. Большевики постоянно осознавали опасность и неустойчивость своего положения. Какая-либо одна система легитимации не могла их спасти. Естественным следствием этого стало использование насилия, как вербального, так и прямого физического. До революции специалисты по статистике возлагали надежды на прогрессивное и ориентированное на науку правительство и рассматривали гражданскую войну как некое отступление, переходный период.

Лояльность

Подобный подход к отношениям между наукой и политикой, разделяемый всеми, кто участвовал в создании статистического аппарата, позволяет понять, почему вместе со своими коллегами О.А. Квиткиным и В.Г. Михайловским П.И. Попов с энтузиазмом участвовал в построении советского государства. Дореволюционная биография этих людей свидетельствует о наличии у них научного мышления и неприятии самодержавия. Они к тому же побывали в ссылке, где сформировалась среда, в которой завязывались знакомства и связи. Знакомства составляют основу этого круга, потому что все эти люди, так или иначе, встречались на международных статистических конгрессах, в статистических бюро земств. Все они брали друг друга на работу по знакомству. Но также важно и взаимное научное признание. Существовал общий набор техник, исследовательских инструментов и концепций, принимаемый всеми и обеспечивающий взаимное признание. Эти связи определялись профессиональной компетенцией.

Разумеется, они не закрывали глаза на политическое насилие. Однако когда они говорили о своей преданности режиму в автобиографиях или защищаясь перед контролирующими комиссиями, то начиная с середины 1920-х гг., развивали риторику, которая совпадала с некоторыми новыми требованиями, не имеющими ничего общего с их концепцией современного государства. Это можно проиллюстрировать следующим утверждением: «Рассказ о жизни тем более приближается к официальной версии биографии, документам, удостоверяющим личность, записям об актах гражданского состояния, характеристикам и подразумеваемой данной идентичностью философии, чем ближе мы оказываемся к официальным анкетам и официальным опросам (крайней формой которых являются вопросы при полицейских и судебных дознаниях), одновременно удаляясь от обменов мнениями между близкими людьми и от логики доверия, которая существует в кругу своих» [9, р. 87]. Так, П.И. Попов ссылаясь на свое личное знакомство с В.И. Лениным, в то время как другие уверяли в своей преданности делу революции. Однако же для этого поколения преданность почти не выходила за рамки поверхностных обязательств и ни в чем не меняла их убеждений как ученых.

Обладая компетенцией, необходимой для легитимации власти, они практически не должны были выказывать других признаков преданности. Несомненно, что среди таких признаков вскоре появилась партийная принадлежность, но на достаточно короткий период, как требуемое властью выражение преданности. Исходя из этого, членство в партии использовалось только для того, чтобы поставить под вопрос лояльность тех, кто из-за своего

происхождения подозревался в неверности режиму, и заменить их. В первые послереволюционные годы понятие политической лояльности почти автоматически отсылало нас к социальному происхождению, дореволюционной биографии и преданности партии.

С конца 1920-х гг. и, особенно, в начале тридцатых годов начало меняться мировосприятие советских управленцев высшего звена. Прежде всего, поскольку у них другие биографии и другое образование, их мировоззрение в меньшей степени зависело от происхождения как такового, хотя оно тоже часто отличается от происхождения их предшественников на руководящих должностях. Начиная с этого периода, техническая или научная компетентность перестали быть основной чертой бюрократии, уступив место административной компетенции, основанной на политической преданности. Таким образом, новый руководящий работник полностью отличался от управленца первого послереволюционного поколения.

Тактика и опыт

Биография влияет на мировосприятие человека, основанное на его собственном опыте. Биография сказывается также на тактике действий, которая, в свою очередь, зависит от интерпретации возможного развития событий, влияющего на производимые действия.

Обратимся к двум цитатам, где рассматриваются эти сложные взаимодействия. Прежде всего, это мысль П. Бурдьё, который в своей работе «Эскиз теории практики» подчеркивает: «Кажется, что будущее, т. е. ясные и четко поставленные цели проекта или плана, определяет практики, производимые габитусом как генератором стратегий, который позволяет сталкиваться с непредвиденными и постоянно меняющимися ситуациями. Однако эти практики все же определяются имплицитным предвидением последствий, т. е. прошлыми условиями производства их принципа производства, так что они всегда стремятся воспроизвести объективные структуры, продуктом которых они, в конечном счете, являются сами» [10, р. 257]. В свою очередь М. де Серто уточняет, что «изучение отдельно взятых каждодневных практик не должно заставлять нас забыть, с одной стороны, о том, откуда они пришли и, с другой стороны, о том, куда они могут привести. Обращение к этому отдаленному прошлому или будущему позволяет, по меньшей мере, устоять перед результатами фундаментального, но часто выборочного и сосредоточенного на чем-то одном анализа, который описывает только институты и механизмы репрессий» [11, р. 66].

Защищая своих сотрудников в 1924 г., П.И. Попов выстраивал свою стратегию полностью на основе научной легитимности. Он использовал старые аргументы, которые, по его мнению, звучали все еще убедительно, т. е. могли быть поняты и приняты политическими руководителями. В 1924 г. он оперировал теми же терминами, что и в 1921 г., тогда как используемые понятия и политическая логика глубоко изменились. Однако же выстраиваемые П.И. Поповым стратегии не учитывали модели функционирования сталинского политического поля. И только оказавшись уволенным в 1926 г. и наблюдая за творившимся насилием, П.И. Попов стал с большим опозданием интегрироваться в систему. Так, в 1937 г., он принял участие в выдвигании обвинений от лица работников статистики, проводивших перепись населения, результаты которой были сначала отвергнуты, а потом аннулированы политическими властями. Для него здесь речь шла скорее о реванше за собственное отстранение, чем о сомнениях в собственной вере в политику, основанную на науке. Но его понимание событий явно переменялось в свете испытаний, которые ему пришлось пережить лично.

Сменивший П.И. Попова в 1926 г. Н. Осинский (настоящее имя В.В. Оболенский), хотя и был большевиком с большим стажем и активным революционером, для защиты своих сотрудников пользовался теми же приемами. Однако он был ближе к политике, что объясняется его биографией: он входил в состав партийного аппарата, участвовал во

внутренней борьбе, но сохранял при этом связь с наукой. Н. Осинский использовал свое связанное с политикой прошлое, характеризующееся полемикой и борьбой. Интересно отметить, что этот тип стратегии, в основании которой лежат отношения между прошлым и соответствующей ему проекцией будущего, не стал уделом лишь ответственных лиц, им также пользуются другие члены статистического аппарата, компетентные в данной дисциплине.

Сменивший Н. Осинского на посту руководителя статистического управления И.А. Краваль, несмотря на свое еще более ожесточенное участие в борьбе между своим ведомством и НКВД в рамках бюрократического противостояния, все еще придерживался того же взгляда на науку и не уступал в борьбе этому репрессивному органу. Однако после 1939 г. новый руководитель статистического управления В.Н. Старовский, помня о репрессиях 1937 г., выстраивает свои действия, ориентируясь лишь на то, какого будущего он не желает для себя. Любое действие В.Н. Старовского может быть интерпретировано исходя из того, какого насилия ему удалось избежать (хотя после смерти И.В. Сталина подобного насилия почти не случалось). В.Н. Старовский останется на своем посту до 1975 г. Его осторожность, предлагаемая им интерпретация цифр — которая не дает возможности для проведения настоящего анализа, но все же не позволяет слишком явно манипулировать цифрами и придает анализу научность — сформировалась за несколько лет до его назначения: он поступил на работу в статистическое управление во время первой чистки 1924 г. и, несмотря на свой пост, стал одним из немногих, кто избежал больших чисток 1937 и 1938 г.

Наука, техника и обучение бюрократическим навыкам

Между руководителями конца 1930-х гг. и предыдущим поколением наблюдаются огромные различия. И снова можно сказать, что главным фактором здесь являются судьбы и происхождение, даже если отныне скрываемые, они перекодируются в набор сигналов, позволяющий узнавать людей своего круга. Те, кто занял ответственные посты после чисток 1937 г., а некоторые и раньше, сформировались под влиянием норм чисто бюрократической карьеры, т. е. карьеры, для которой важнее умение руководить, чем технические навыки. Их выбирали в зависимости от их преданности правящей системе, которая поощряет способность адаптироваться к переменам и, следовательно, использовать возможности, связанные с этими трансформациями. Они были подготовлены к постоянной мобильности, что не создает условий для возникновения уз солидарности в тех учреждениях, где они работают.

Они не должны были понимать происходящие в обществе изменения, но должны были уметь приспособиться к управленческой логике. Они не были обязаны профессионально интерпретировать получаемые в их ведомстве статистические данные, касающиеся общества или экономики, но должны были управлять, т. е. допускать основанные на взаимных услугах отношения между различными учреждениями. Служебная карьера управленца, в течение которой он занимает посты, никак не связанные между собой, кроме того, что все эти должности являются частью управленческой цепи, учат их приспособляться к такой системе взаимоотношений, где знакомство и признание единого понятийного аппарата больше не лежат в основе любого руководства, даже технического. Так, ряд управленцев начали бюрократическую карьеру внутри партии, придя из села, часто спасаясь от коллективизации. Они переходят с одного предприятия на другое, не обладая технической компетенцией, соответствующей промышленному профилю этих предприятий.

Эти изменения заметны в поворотах карьеры ответственных статистических работников в 1937–1938 гг., а также в письменных отчетах и докладах членов статистического управления

с 1930 г. Продвигаясь по служебной лестнице, высшие руководители этого ведомства сменили огромное число мест работы в разных уголках страны и на разных предприятиях. В конце 1930-х гг. руководящие посты занимали выходцы из гораздо большего числа регионов, чем раньше. В частности, они приезжают из регионов, затронутых массовой коллективизацией 1930–1931 гг., и часто являются выходцами из села. Получивших университетское образование меньше, чем сделавших чисто бюрократическую карьеру в учреждениях, которые больше не характеризуются общностью компетенций. Некоторые переходят с текстильных заводов в образовательные учреждения, а затем, после короткого специального курса, занимают должности в статистическом управлении.

Помимо бюрократических факторов на изменение практики работы членов этого научного учреждения повлияло политическое насилие конца 1920-х и особенно начала 1930-х гг. Полемика начиналась каждый раз, когда интерпретация какой-нибудь цифры приводила к политическому конфликту, что свидетельствовало об использовании статистических данных в качестве инструмента в политической борьбе 1928–1931 г. Затронутые этой полемикой, специалисты по статистике на примере многочисленных арестов их коллег и процессов над Н.Д. Кондратьевым и В.Г. Громаном увидели, какова реальная опасность собственной интерпретации предоставляемых ими цифр. С конца 1920-х гг. отчеты становятся описательными и уклончивыми, теряя социальное измерение. Начиная с этого времени статистические данные предназначаются «для служебного пользования», разумеется, за исключением некоторых цифр, адресованных широкой публике и международной общественности, конечно, если они не отражают нарождающейся в стране катастрофы. Вместе с тем эта новая культура осторожности не приводит к фальсификации данных, предназначенных для внутреннего использования. Даже когда демографы обнаружили в статистических данных следы ужасного голода 1933 г., который унес почти шесть миллионов жизней в СССР (прежде всего, на Украине, в Поволжье и в Казахстане), в демографических докладах для членов партии они дали точные оценки роста смертности. Никогда не говоря о голоде напрямую, они, тем не менее, при помощи графиков и описаний нарисовали однозначную картину. Они даже показали, что уровень смертности в течение того года был занижен, противостоя в этом вопросе НКВД, который пытался доказать, что цифры были завышены.

Точно так же, когда ответственные за данный вопрос специалисты должны были объяснить, почему полученные в результате переписи населения 1937 г. цифры настолько ниже данных, озвученных Сталиным годом ранее, один из специалистов разъяснил, что это результат событий 1933 г. и высокой смертности в лагерях ГУЛАГа. Этот внутренний доклад привел к началу крупной чистки в статистическом ведомстве. В.Н. Старовский избежал чистки, став простым свидетелем происходивших событий, а два года спустя занял пост директора. Именно тогда В.Н. Старовский научился осторожности. Начиная с 1939 г. он применял новую тактику: предоставлял точные цифры, но сразу же предлагал их объяснения и подчеркивал наиболее приемлемые, даже если они не объясняли проблемных ситуаций, и избегал неприемлемых объяснений.

На этом примере ясно видно, каким образом взаимодействуют такие факторы, как образование, на котором основывается компетенция работников статистики, определяющая их карьеру и место в обществе, и биография, собственные судьбы и судьбы окружающих, которые показывают, какие опасности может сулить интерпретация цифр. С одной стороны, получив образование в университете или в институте статистики, они не могут забыть о науке, не желая подвергаться риску лишиться легитимности и основания собственного профессионального существования. С другой стороны, следуя бюрократической, т. е. строго управленческой логике, они ограничиваются только задачами, соответствующими их служебной позиции. Занимаемая должность становится основным элементом, влияющим на

проводимые ими исследования, но одновременно она является и ограничением возможностей адаптации к непредвиденным условиям.

Бюрократическая анархия

Бюрократическая структура представляет собой сложный механизм, поскольку кроме ответственных лиц, послужной список которых основан лишь на партийной преданности и политической осмотрительности, на работу нанимают экспертов, обладающих сходным набором знаний и навыков. Таким образом, логика «чистой» бюрократии, где все зависит от занимаемого поста, все же не доведена до предела. Ее ограничения объясняются испытываемой И.В. Сталиным необходимостью прибегать к постоянному насилию, уже не связанному с формами насилия, порожденными первой мировой и гражданской войнами. Все последовавшие друг за другом чистки, апогеем которых стал 1937 г., призваны регулярно разрывать личные связи и взаимное признание, возникающие в рядах управленческого аппарата. Начиная с 1930 г., различия в происхождении и биографиях управленцев не дают завязаться близким знакомствам. А ведь именно благодаря знакомствам формировалось статистическое ведомство в первой половине 1920-х гг.. В связи с этим, формы найма на работу в статистическое ведомство приобретают атомизированную структуру. Принцип «бюрократической анархии», который был призван разрушить любую солидарность, потерпел провал, поскольку ведомство в соответствии со своей собственной логикой воссоздало такие связи. Во-первых, должностные отношения быстро приводят к возникновению личных отношений и чувства корпоративности; во-вторых, статистическая деятельность, несмотря на долгие дебаты по поводу социалистической основы этой дисциплины, остается основанной на разделяемых всеми знаниях, которые не могут быть отброшены.

Перевод с французского Ю.А. Никитиной

Литература

1. Blum A., Mespoulet M. L'anarchie bureaucratique. Statistique et pouvoir sous Staline. Paris: La Découverte, 2003.
2. Hellbeck J. Writing the Self in the Time of Terror: Alexander Afinogenov's Diary of 1937 // Engelstein L., Sandler S. (eds.) Self and Story in Russian History. Ithaca. London: Cornell University Press, 2000.
3. Garros V., Korenevskaya N., Lahusen T. Intimacy and terror. Soviet Diaries of the 1930s. New York: The New Press, 1995
4. Lahusen T. How life writes the book. Real Socialism and Social Realism in Stalin's Russia. Ithaca. London: Cornell University Press, 1997.
5. Fitzpatrick S. Le stalinisme au quotidien. Paris: Flammarion, 2002.
6. Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca. London: Cornell University Press, 2001.
7. Cadiot J. Organiser la diversité: la fixation des catégories nationales dans l'Empire de Russie et en URSS (1897–1939) // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 2000. Vol. 31. № 3.
8. Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge. London: Harvard University Press, 2002.
9. Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la théorie de l'action. Paris: Seuil, 1994.
10. Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique, précédée de trois études d'ethnologie kabyle. Paris: Seuil, 2000.
11. Certeau M. de. L'invention du quotidien, l'art de faire. Paris: Gallimard, Folio essais, 2002.